

Расследование ВВС фактов преследования людей в Китае

Китай обвиняют в содержании под стражей без суда и следствия сотен тысяч мусульман в западно-китайской провинции Синьцзян.

Би-би-си удалось добыть новые важные доказательства того, что там происходит на самом деле.

Оригинальный

текст:

https://www.bbc.com/russian/resources/idt-sh/China_hidden_camps_russian

Выдержки. Неофициальный перевод.

Власти ввели строгие наказания за демонстрацию приверженности исламу. Среди прочего, под запрет попали *длинные бороды, закрывающие голову женские платки, религиозное воспитание детей и даже мусульманские имена*. Эти меры отражают фундаментальный сдвиг в самом подходе государства: *сепаратизм больше рассматривается не как проблема отдельных людей, а как общее явление, укоренившееся в культуре уйгуров и исламе в целом*.

Это совпало по времени с усилением контроля над обществом со стороны председателя КНР Си Цзиньпина. *Преданность семье или вере отныне не должны ставиться выше главной преданности — Коммунистической партии*.

Особый национальный уклад уйгуров ставит их под подозрение. Возможности для поездок уйгуров, как в Синьцзяне, так и по всей стране, серьезно ограничены. Их обязывают сдавать паспорта в полицию «для надежного хранения».

Уйгурам, занимающим официальные должности, запрещается практиковать ислам, посещать мечети и поститься во время Рамадана. Учитывая все это, возможно, и не стоит удивляться тому, что китайские власти прибегли к старому и brutальному методу борьбы с тем, что они воспринимают как неблагонадежность со стороны уйгуров.

Би-би-си обстоятельно поговорила с восемью уйгурами, живущими за границей.

Их поразительно похожие рассказы проливают свет на условия содержания и быт в лагерях, а также на довольно размытые основания, по которым людей туда направляют.

Обычная религиозная жизнь, самые мягкие формы выражения несогласия с властью и любая связь с уйгурами, живущими за рубежом, — любого из этого поводов хватит, чтобы забрать человека в систему перевоспитания.

Несмотря на всё отрицание со стороны властей, наиболее достоверная информация, подтверждающая, что исправительные лагеря действительно существуют, содержится именно в сведениях, сообщаемых властями.

Базирующийся в Германии ученый Адриан Ценц обнаружил документы местных администраций, где потенциальных подрядчиков приглашали поучаствовать в строительных тендерах.

В документах — подробности, касающиеся строительства и реконструкции

десятков объектов по всему Синьцзяну. Во многих случаях это тендеры на установку систем безопасности — смотровых вышек, колючей проволоки, системы видеонаблюдения и караульных помещений.

Это включает в себя не только здания, но все огороженное пространство.

Сопоставив данные с информацией из других источников, Ценц делает вывод, что по меньшей мере сотни тысяч, а возможно, более миллиона уйгуров и других мусульманских меньшинств могли быть интернированы в целях перевоспитания. Разумеется, в документах эти здания никогда не называются «лагерями для интернированных» — вместо этого используется формулировка «центры по перевоспитанию». Один из документов почти наверняка относится к огромному комплексу, куда мы ездили. В июле 2017 года был объявлен тендер на установку системы отопления в «школе трансформации через образование» около Дабаньчэня.

На спутниковом снимке можно различить сторожевые вышки и двойной забор по периметру «Центра правового образования» в Ханайрике. По теням на песке можно узнать витки колючей проволоки.

Для сравнения, комплекс площадью в 14 гектаров в Лос-Анджелесе, в котором находится исправительное учреждение «Башни-близнецы» и Центральная мужская тюрьма, вмещает суммарно около семи тысяч заключенных.

Мы показали данные GMV о расширении комплекса в Дабаньчэне команде архитекторов исправительных учреждений Guumer Bailey из Австралии. По их расчетам, если взять минимальные оценки, в этом учреждении можно разместить 11 тысяч задержанных.

Даже такая скромная оценка делает комплекс в Дабаньчэне одной из

крупнейших тюрем в мире. Крупнейшая тюрьма в США на острове Райкерс может вместить 10 тысяч заключенных. Тюрьма «Силиври» около Стамбула, которую считают крупнейшей в Европе, рассчитана на 11 тысяч человек.

Guymet Bailey проанализировали вероятные функции разных зданий комплекса. Минимальные оценки вместимости лагеря в Дабаньчэне исходят из того, что все живут в одноместных комнатах. Если же там устроено общежитие, вместимость этого комплекса увеличивается в разы, вплоть до 130 тысяч человек.

Мы также показали эти снимки Рафаэлю Сперри, архитектору и главе американской организации Architects/Designers/Planners for Social Responsibility. «Это по-настоящему громадный и страшный комплекс для заключенных, — говорит он. — Выглядит так, будто проектировщики хотели разместить максимальное число людей на минимально возможной территории и при самых низких расходах на строительство». «Думаю, 11 тысяч — это весьма заниженная оценка... Из доступной нам информации мы не можем понять, как размещены люди в этих зданиях, сколько из них используются как жилые помещения. Но оценка в 130 тысяч кажется, к сожалению, вполне возможной». Не имея доступа в эти учреждения, проверить эти выкладки независимо не представляется возможным.

Мы попросили власти Синьцзяна объяснить, для чего используется комплекс в Дабаньчэне, но нам не ответили.

...Мы ожидали увидеть крупный лагерь для интернированных лиц, а увидели просто огромный. И это только один из множества похожих на колонию комплексов, которые были построены по всему Синьцзяну за последние годы. Прежде чем предпринять попытку отправиться в один из таких лагерей, мы делаем остановку в центре Дабаньчэня. Открыто поговорить с кем-то невозможно: наши соглядатаи не отступают от нас ни на шаг и довольно напористо расспрашивают каждого, кто даже просто отвечает нам на приветствие.

Тогда мы находим выход, начав звонить по случайным номерам в городе. Что это за огромный комплекс с 16 вышками, который власти так отчаянно запрещали нам снимать? «Это школа перевоспитания», — сказал нам администратор одной гостиницы. «Да, это школа по перевоспитанию», —

соглашается другой торговец. *«Там сейчас десятки тысяч людей. У них какие-то проблемы с мыслями».* Этот гигантский комплекс, конечно, не подпадает ни под какое разумное определение школы. *В Синьцзяне само выражение «пойти в школу» получило совсем другой смысл.*

Китай последовательно отрицает, что *лишает мусульман свободы без суда.* Кадры с государственного телевидения демонстрируют жизнь внутри «школы». Эвфемизм для этих лагерей давно придуман — «воспитание». Скорее всего, именно в ответ на растущую международную критику власти в своих пропагандистских материалах стали все чаще употреблять этот термин.

Государственное телевидение показывает бравурные репортажи, в которых благодарные ученики сидят в чистых классах, куда они, судя по кадрам, пришли исключительно по доброй воле. *При этом не сообщается, по каким критериям учеников отбирали в эту «школу» и как долго продлятся курсы.* Но некоторые подсказки все же есть. Интервью в сюжетах звучат скорее как признания. «Я глубоко осознал свои ошибки», — говорит на камеру один мужчина, обещая быть добропорядочным гражданином, когда вернется домой.

Главная задача этих учреждений, как нам сказали, состоит в борьбе с экстремизмом с помощью смеси правовых дисциплин, трудовых навыков и обучения китайскому языку. Последний пункт показывает, что как бы вы их ни называли — школами или лагерями — поставленная цель одна и та же.

Объекты построены специально для мусульман Синьцзяна, многие из которых довольно слабо говорят по-китайски. Судя по видео, в учреждении действует определенный дресс-код, так как ни одна из женщин не носит мусульманский платок.

В 2002 году Рейила Абулайти уехала из Синьцзяна на учебу в Великобританию. Впоследствии она вышла замуж за британца и получила британское гражданство. В прошлом году ее мать как обычно приехала навестить дочь и внука и посмотреть достопримечательности Лондона.

У 66-летней Шамшинур Пида хорошее образование, она много лет работала инженером в китайской госкомпании. Она вернулась в Синьцзян 2 июня. Не получив никаких вестей от нее, Рейила заволновалась и попыталась узнать,

всё ли в порядке. Разговор был коротким и пугающим. «Она сказала, что полиция обыскивала ее дом», — вспоминает Рейила. Именно она, Рейила, была объектом расследования.

Мать сказала, что ей нужно было отправить копии ее документов — британского паспорта, подтверждение адреса, британские номера телефонов и информацию о ее учебе в университете. После того, как Шамшинур попросила дочь отправить документы через китайский мессенджер, она сказала то, от чего у Рейилы побежали мурашки по спине. «Не звони мне больше, — сказала ей мать. — Никогда». В тот день они говорили в последний раз. Рейила считает, что ее мать поместили в лагерь и держат там до сих пор. «Мою маму задержали безо всяких причин, — говорит она. — Насколько я понимаю, китайское правительство хочет стереть уйгурскую идентичность с лица земли».

Каждое утро, когда 29-летнего Аблета Турсуна Тохти будили за час перед рассветом, у него и у остальных интернированных была минута, чтобы выйти во двор для зарядки. После построения их отправляли на пробежку. «Была специальная комната для наказания тех, кто недостаточно быстро бежал, — рассказывает Аблет. — Там находились два человека: один бил ремнем, второй — просто пинал». Двор для физзарядки четко виден на спутниковом снимке лагеря в городе Хотан в южном Синьцзяне, куда поместили Аблета. «Мы пели песню «Без Компартии не может быть нового Китая», — добавляет Аблет. — Нас заставляли учить китайские законы. Тех, кто не мог их правильно рассказать наизусть, избивали». Он провел там месяц в конце 2015 года, и в каком-то смысле ему повезло. В первое время работы «курсов перевоспитания» их продолжительность была короче. За последние два года вообще не было сообщений о том, что кого-то освобождали. А поскольку с тех пор у *уйгуров массово изъяли паспорта*, Аблет стал одним из последних, кто смог покинуть Китай. Он попросил убежища в Турции, где живет большая уйгурская диаспора. По словам Аблета, его 74-летний отец и восемь братьев и сестер — в лагерях. «Больше никого не осталось на свободе», — говорит он.

Абдесаламу Мухемету 41 год, он тоже живет в Турции. Его задержала полиция в Синьцзяне *за чтение отрывка из Корана на похоронах*. В конце концов ему решили не предъявлять обвинений, говорит Абдесалам, но и не освободили. «Мне сказали, что меня нужно воспитать», — объясняет он.

Абдесалам описывает те же занятия в лагере — упражнения, запугивания и промывка мозгов.

25-летний Али (имя изменено) боится говорить открыто. В 2015 году он *попал в лагерь после того, как полиция нашла у него в телефоне фото женщины в парандже*. «Одну пожилую женщину забрали туда за то, что она совершила хадж в Мекку, — говорит он, — а пожилого мужчину — за то, что *вовремя не оплатил счет за воду*».

Во время одной из принудительных физзарядок машина с кем-то из чиновников заехала в лагерь, и ворота ненадолго приоткрыли. «Неожиданно маленький ребенок зашел внутрь и побежал к своей маме, которая бегала с нами, — рассказывает Али. — Она пошла к ребенку, обняла его и начала плакать». «Полицейский схватил ее за волосы, а ребенка выволок из лагеря».

Вместо чистых и ухоженных помещений, которые показывают по государственному китайскому телевидению, рассказы побывавших в этих центрах перевоспитания рисуют совсем другую картину. По словам Аблета, двери в их общежитие на ночь запирают. «Но внутри нет туалетов, нам просто дают горшок», — говорит он. Проверить эту информацию невозможно. Китайское правительство не ответило на наш запрос о комментариях.

До уйгуров, не живущих в Синьцзяне, новости почти не доходят. Страх побуждает к молчанию. Сообщения о том, что кто-то из родственников удалился из семейных чатов или попросил больше им не звонить, стали обыденными.

Две самых важных ценности в культуре уйгуров — *семья и вера* — теперь систематически подрываются. В результате лишения свободы целых семей со всеми родственниками стали приходить сообщения о массовом направлении детей в государственные интернаты.

Билкиз Хибибулла приехала в Турцию в 2016 году с пятью детьми. Ее младшая дочь Секине Хасан, которой сейчас должно быть три с половиной года, осталась в Синьцзяне с мужем Билкиз. У девочки не было паспорта, и план был такой — когда она его получит, семья сможет воссоединиться в Стамбуле. Но паспорт она так и не получила. Билкиз полагает, что ее мужа задержали 20 марта прошлого года. Она потеряла связь с остальными

родственниками и не имеет понятия, где ее дочь сейчас. «Посреди ночи, когда мои дети ложатся спать, я часто плачу, — говорит она. — Нет ничего хуже, чем не знать, где твоя дочь, жива она или нет». «Если бы она услышала меня, я бы не могла сказать ей ничего, кроме «прости меня».

Но не все лагеря для интернированных в Синьцзяне одинаковые. Некоторые из режимных объектов были построены не с нуля, а стали результатом перепрофилирования зданий, которые раньше выполняли другие функции, вроде школ или заводов. Они обычно меньше и расположены ближе к центрам городов. В уезде Кульджа на севере Китая мы попробовали посетить несколько таких лагерей.

Мы видели документы о госзакупках для создания пяти «образовательных центров профессионального обучения» для целей «поддержания стабильности».

В центре города мы останавливаемся около крупного комплекса зданий, который раньше был средней школой №3. Высокий синий забор окружает комплекс, на входе стоит усиленная охрана. Около игровой площадки установлена смотровая вышка, и еще одна около бывшего футбольного поля. Сейчас поле целиком застроено шестью зданиями с металлическими крышами.

На узких улочках Кашгара, некогда шумного средоточия уйгурской культуры, ныне царит зловещая тишина. На многих дверях висят замки. На одной из них мы замечаем инструкцию, что говорить, когда у людей спрашивают, куда забрали их родственников. «Говорите, что за ними присматривают ради блага общества и их семей», — написано в инструкции. Главная городская мечеть сейчас больше напоминает музей. Мы пытаемся выяснить, когда следующая молитва, но никто не может нам сказать. *«Я здесь только для помощи туристам, — говорит один чиновник. — Я не знаю ничего о распорядке молитв».*

На площади сидят и общаются несколько безбородых пожилых мужчин. Мы спрашиваем, где все остальные. Один из них сжимает губы и жестом показывает, что ему опасно говорить с журналистами. Но второй шепотом говорит: «Больше никто не приходит».

В Синьцзяне много уйгуров на официальных должностях. Многие чиновники

и полицейские, которые следили за нами и останавливали нас, были уйгурами. Если они и чувствуют какой-то внутренний конфликт, они, разумеется, не могут об этом говорить.

Некоторые сравнивают эту систему контроля с апартеидом, но это не совсем точное определение.

Многие уйгуры нашли себе место в системе. На самом деле, более подходящую аналогию можно найти в тоталитарном прошлом самого Китая. Как во времена «культурной революции», *обществу говорят, что его надо разделить на части, чтобы спасти*. Шохрат Закир, уйгур, и в теории — второй по значимости политик в провинции, говорит, что победа почти одержана.

Все бывшие «воспитанники» лагерей, с которыми мы говорили, преисполнены обиды и злости. И миру еще только предстоит услышать рассказы тех, кто провел время в местах вроде Дабаньчэня — мрачного и тайного сооружения столь гигантского масштаба.

Наш репортаж добавляет новых свидетельств в пользу того, что массовая программа перевоспитания на деле — не что иное как интернирование, или другими словами, лишение свободы тысяч мусульман без суда и следствия и вообще вне каких-либо правовых рамок.

Китай уже объявил эту программу успешной. Но история знает немало тревожных примеров того, к чему могут привести подобные проекты.

Над проектом работали

Репортер Джон Садуорт **Продюсер** Кэти Лонг **Фото** Getty Images Reuters
Guymor Bailey Architects GMV Google Earth Европейская
комиссия/Европейское космическое агентство **Графика** Зои
Бартоломью